

Руженцев Сергей Евгеньевич

кандидат исторических наук,
доцент Воронежского государственного
медицинского университета им. Н.Н. Бурденко

НРАВСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА И ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация:

Статья посвящена особенностям проявления морали и нравственного сознания в условиях демократизации российского общества. Моральная дезориентация породила господство утилитарных политических интересов, подрывая упорядоченность российского социума. Идеи рынка и демократии не могут автоматически обновить моральные установки участников политического процесса в условиях постмодернистской политики. Возникло противоречие между практикой политической власти и демократическими идеалами. В результате происходит усиление аномии и морального релятивизма, что снижает уровень моральных требований в отношении власти.

Ключевые слова:

мораль, политика, реформы, демократизация, нравственное сознание, моральные ориентации, ценностный дисбаланс.

Ruzhentsev Sergey Evgenievich

PhD in History,
Assistant Professor,
Voronezh State Medical University

THE MORAL IDENTITY OF THE RUSSIAN SOCIETY AND DEMOCRATIZATION OF THE POLITICAL SYSTEM

Summary:

The article deals with the peculiarities of manifestation of morality and moral identity in the context of democratization of the Russian society. Moral disorientation gave rise to the dominance of utilitarian political interests, undermining the orderliness of the Russian society. The ideas of market and democracy can't automatically update the moral attitudes of political actors in the postmodern politics. There is a contradiction between the practice of political power and the democratic ideals. It has resulted in the strengthening of anomie and moral relativism, reducing the level of moral requirements put upon the power.

Keywords:

morality, politics, reforms, democratization, moral identity, moral values, value imbalance.

Преобразования начала 1990-х гг. привели к изменению структуры и направленности государственной власти и социальных отношений. Однако процессам демократизации объективно мешал целый ряд обстоятельств, обостривших проблему противоречия между государством как источником закона и личностью как носителем свободы и определенных моральных норм. Очевидно, что для формирования значимого нравственного сознания социума необходимо не только существование легитимной власти, но и такие организационно-управленческие действия государства, которые при опоре на моральные и правовые основания эффективно регулируют социальные отношения, сглаживают противоречия, укрепляют принципы солидарности в обществе. Поэтому процессы демократизации актуализируют проблемы проявления нравственного сознания.

Основная цель исследования – рассмотрение взаимозависимости нравственного сознания постсоветского российского общества и демократизации политической системы.

Задачи исследования:

- осмысление амбивалентности современного российского социума;
- рассмотрение особенностей взаимовлияния нравственного сознания общества на процессы демократизации;
- выявление проблем, порождающих атомизированность социальных отношений и депривационные установки общественного сознания.

Проблемы нравственного сознания, его ценностные аспекты нашли отражение в целом ряде философских исследований, среди которых можно выделить труды таких авторов, как Г.Ю. Канарш, В.С. Мартыанов и Л.Г. Фишман, П.Е. Матвеев, М.В. Сахарова, О. Хёффе и др. [1]. В их работах изучаются характер, особенности, возможности воплощения в условиях демократизации идей справедливости, равенства, долга, общественного блага и пр. Используя разнообразные оценки и подходы, автор предпринял попытку осуществить этический анализ рассматриваемых проблем, что позволит адекватнее понимать значение морального фактора в социально-политической деятельности и корректировке управленческой деятельности.

Реформы начала 90-х гг. XX в. не привели к стабильности и развитию государства, вызвав апатию и недоверие населения к реформам, падение нравственности общества, рост преступности и появление различных экстремистских организаций, так как крушение модернистского

типа властных отношений лишило социум прежней упорядоченности. Права человека, либеральная демократия, рынок выступили главными ценностями и ориентирами общества. Поэтому приверженность демократии становится определяющей для цивилизованного общества, своеобразной телеологической целью. Эти ценностные ориентации должны придавать человеку и обществу некий высший смысл, инструментально формируя нормы должностования.

Поскольку в новых условиях прежние моральные нормы и правила не были действенными, потребовалось определить функции, компетенцию и ответственность каждого государственного органа. Идея демократии, наряду с другими социальными ценностями, могла выступать лишь ориентиром, который влияет на морально-этические установки участников политического процесса. По справедливому замечанию Д. Хелда, «демократия не предполагает согласия по различным ценностям – скорее, она предлагает способ взаимосвязи ценностей и предоставления разрешения ценностных конфликтов участникам открытого процесса, подлежащего соблюдению лишь некоторых условий, защищающих порядок и форму самого процесса» [2, с. 429].

Избранный политический курс исполнительной власти способствовал нарастанию и сохранению тлеющего недовольства в различных слоях общества, но мотивы его роста были различными. По мнению В.В. Согрина, одним из ведущих мотивов явился морально-нравственный протест. Он был вызван тем, что новая политическая элита, прежде выступавшая против избыточных привилегий коммунистической номенклатуры, в условиях свертывания системы социальной защиты и стремительного роста социальных контрастов, присвоила себе прежние льготы и государственность [3, с. 137]. И это притом, что отечественные и зарубежные либеральные идеологи того времени высказывали явное недовольство непоследовательностью реформаторских действий по внедрению рынка, медленной борьбой с монополизмом, сохранением излишнего бремени социальных обязательств Российского государства.

Новая Конституция 1993 г. гарантировала права и свободы человека и гражданина в соответствии с принципами и нормами международного права, хотя такие прежние социальные завоевания, как право на труд, бесплатное жилье, среднее и высшее образование, доступ к любым государственным должностям и т. п., не нашли в ней своего отражения. Несмотря на наличие положения о социальном государстве, отсутствовало упоминание о социальной справедливости, распределении общественного продукта и социальной поддержке личности. Такой подход к социально-политическим отношениям отвечал, на наш взгляд, либеральным представлениям о роли государства. Фактически проявлялось отмеченное еще К. Шмитом противоречие между демократическим идеалом и реальной моральной практикой государства, так как «любая существующая демократия основывается не только на принципе равенства равных, но и на том, что с неравными не следует обращаться как с равными. Поэтому демократия требует, во-первых, гомогенности и, во-вторых, если возникает потребность, искоренения гетерогенности» [4, р. 9]. Тем самым российская власть закладывала моральное оправдание своим действиям в своем следовании либеральным идеям при реформировании социально-политических отношений.

Сложившаяся совокупность приемов и методов властвования за последние десятилетия позволяет признать Российскую Федерацию демократическим государством. Однако моральные аспекты проводимой политики сталкивались, вплоть до «крымской весны», с наличием существенного отчуждения социума от власти, что создавало вероятность для значительных политических манипуляций, бесконтрольности действий должностных лиц, возможности произвола при селективном использовании демократических процедур. В условиях существования демократического режима, как отмечал К. Поппер, «проблема контроля за правителями и проверки их власти является главным образом институциональной проблемой...» [5, с. 153]. Но эта проблема обусловлена особенностями современной демократии, которую традиционно связывают с процедурными вопросами и выборами.

Россияне благожелательно отнеслись к расширению гражданских и политических свобод, связанных с выборностью органов власти, свободой слова, передвижения, предпринимательства и др. Н.Б. Ильина не согласна с представлением о низком уровне политической культуры россиян, объясняя скептическое отношение к демократии «эффектом бумеранга» – подражанием западной модели. Гораздо серьезнее проблема каналов политического участия и возможности влияния на власть, поскольку общественно-политическая деятельность сместилась на периферию жизненных интересов и моральных идеалов большинства граждан, когда солидарность и нравственность противоречит ставке на себя и ближний круг, что сужает поле моральной поддержки проводимой государством политики [6, с. 6–11]. Поэтому возникает серьезная проблема, выявившаяся в период президентства В.В. Путина, связанная с цивилизационным кризисом демократии и скептическим отношением к ее либеральной форме, поиском эффективной модели соединения идеи демократии с государственной системой управления, чтобы успешно реализовывать общественные интересы при использовании действенных моральных механизмов.

Существует позиция ряда скептиков, которые склонны утверждать об отсутствии в России демократии или ее поражении в 2000-е гг. Так, С. Фиш считает, что демократия не смогла прижиться из-за слишком больших природных ресурсов, доминирования государства в экономической жизни, преобладания сильной президентской власти над парламентом [7, р. 260]. Во многом схожую позицию занимает Л.Ф. Шевцова, которая считает власть приверженной политике «имперскости и державности» и нацеленной на то, чтобы обновить страну, оставив все как есть, так как сама существующая политическая система уничтожает возможность конкурентного и свободного развития общества. По ее мнению, российская власть пытается цементировать существующие социально-политические отношения, отчего «...Россия представляет собой политическое “болото”, в котором очень трудно вычленишь реальные национальные интересы и структурировать их. Российская элита этого делать не собирается и продолжает предлагать собственные интересы в качестве общенациональных. Общество же не всегда осознает свои общенациональные интересы» [8, с. 262].

Получается, что в позиции идеологов либеральной демократии нет места каким-либо нравственным императивам и возможности их проявления при неприятии чужеродных моральных принципов. Ведь все механизмы политической власти направлены на укрепление господства правящей верхушки и обслуживание ее интересов, а моральное сознание общества, которое не понимает своих интересов, западных ценностей и идеалов, тем самым поддерживает «антидемократическую» политику. Можно, безусловно, согласиться с тем, что в рамках сложившейся системы политических отношений у парламента снижена ответственность за принимаемые им решения, ни одна партия до сих пор так и не имела реальной возможности реализовать свою программу, имеется проблема волюнтаризма регионального чиновничества и пр. Однако в 2000-е гг. политическое развитие приобрело более упорядоченный и уравновешенный характер, создавая запрос на моральные принципы.

Процессы и проблемы демократизации общественно-политической жизни не могли не сказаться на нравственном сознании россиян, ведь любой человек предстает в качестве субъекта социальных отношений. Его взаимодействие с обществом осуществляется на основе выбранных им ценностей, представлений о справедливости, должном поведении, равенстве, эгоизме и альтруизме, согласии с миром, добре и зле. Переломный период развития государства только обострил нравственные проблемы общества, показал безусловную важность моральных регуляторов для социума. Ведь в условиях реформирования границы социально приемлемого поведения оказываются легкоподвижными, а нравственные категории и представления, в силу своей относительности, достаточно изменчивы. Вследствие этого немалую роль в подрыве моральной составляющей общества играет политика, на которой бумерангом сказывается размытость морально допустимых методов и средств деятельности [9, с. 163–164].

Отсутствие на протяжении 1990-х гг. у российских властей четкой позиции в вопросе становления и развития гражданского общества, приверженность к административным методам управления привели к фактическому нежеланию включить общество в политическую конкуренцию элит. Вместе с тем использование децентрализации власти давало высшей элите дополнительные возможности для маневра, связанные с переадресацией ответственности на региональный уровень. В свою очередь, это бралось на вооружение региональными элитами для повышения своего статуса и установления контроля над своими территориями, что неизбежно приводило к разобщенности общества. Сказывалась нарастающая аномия, вызванная целенаправленным разложением прежней системы духовно-нравственных ценностей, что вело к угрожающему росту девиантного поведения (алкоголизм, наркомания, преступность). Разрушение легальных моделей поведения граждан вызывало трудности адаптации в новых, рыночных условиях, подрывая традиционный, устоявшийся морально-правовой порядок, систему социальных связей. И.М. Клямкин и Л.М. Тимофеев справедливо отметили, что, «если власть не выполняет свои функции и нет гражданского общества, способного заставить ее эти функции выполнять, у человека неизбежно возникает установка на отношения неформальные, параллельные официальным, теневые» [10, с. 126]. Либерально-демократические реформы способствовали сохранению противостояния между обществом и государством, продолжали транслировать ценностные антиномии, которые сложились исторически. И если при наличии этих внутренних противоречий государство ранее обеспечивало стабильность социально-политических отношений на протяжении длительного времени, то в 90-е гг. XX в. диссонанс между ценностями-целями и ценностями-средствами стал угрожать самой российской культуре, духовному и моральному единству общества, существованию суверенного государства.

Очевидно, общественное и нравственное сознание россиян в 1990-е гг. отличалось внутренней противоречивостью и разорванностью, поскольку исчезло бывшее единство советского

народа, сменившееся многообразием частных интересов, которые стали поддерживаться прагматическими моральными установками. С одной стороны, формирование рыночных отношений стимулировало житейский прагматизм и рационализм, которые были основаны на индивидуалистических взглядах. А с другой, продолжали проявляться эмоциональные симпатии, мифологические представления, коллективистские установки. Противоречивость общественных ориентаций выражалась не только в разрыве между объективными социальными интересами и уровнем понимания реальной ситуации, но и в двойственности и непоследовательности политических ориентаций. Конфликт между либеральными и традиционалистскими принципами пронизывал мировоззрение и морально-нравственные установки каждого человека.

Такое состояние общественно-политического сознания и моральных ориентаций сказалось и на отношении населения к политическим лидерам, проводимому курсу, характере политического участия российских граждан. После всплеска массовой активности конца 1980-х – начала 1990-х гг. последовал период апатии. Однако недовольство людей своим положением и имеющимися возможностями не приобретало радикальный характер, а лишь канализировалось против отдельных лиц и структур. Погруженность в собственные частные проблемы препятствовала концентрации антиреформаторского протеста. В силу того что и в 2000-е гг. так и не удалось отладить механизмы обратной связи государства с обществом, в настроениях граждан преобладали конформизм и отчуждение от политической системы. Поэтому «сегодня идеалом большинства россиян является аналог “государства всеобщего благоденствия”, органически сочетающий, с одной стороны, активную роль государства в экономике, сильную систему социальной защиты, а с другой – невмешательство государства в частную жизнь граждан, политические и гражданские свободы» [11, с. 148]. Социологические замеры позволяют видеть, что россияне не приемлют уменьшения роли государства во всех сферах, возрастания морального релятивизма, связанного с мультиморальностью, подвижностью моральных ограничителей [12, с. 235–238]. Очевидно, что данные проявления могут выступать в качестве одного из факторов обеспечения социально-политической стабильности, который сделает возможной адаптацию массового сознания общества к происходящим переменам.

Следует признать, что в период президентства В.В. Путина укрепление государственной власти и исполнительной дисциплины сыграло свою роль в объединении политического пространства, что обеспечило ограниченную консолидацию общества. Ведь социальные ожидания от политики, политизация повседневных интересов, размывание моральных ценностей напрямую связаны с эффективностью государственного управления и возможностями воздействия на общественное сознание. Поддержка идеи «сильной власти», вызванная кризисом 1990-х гг., объективно была обусловлена «хаосом» в государственном управлении. Однако склонность к «жесткой руке» в сознании россиян подразумевает защиту простого гражданина от беззакония и произвола при сохранении демократических принципов и завоеваний. Подобная матримонимальная ориентация традиционна для этических предпочтений российского общества, так как с консервативных позиций авторитетная и сильная государственная власть может осуществлять одновременно и справедливую, и высоко моральную политику. На основе подобной фетишизации власти можно видеть одну из составляющих, которая способствовала укреплению авторитета и обеспечила поддержку высоких рейтинговых оценок деятельности президента В.В. Путина. Но морально-оценочная поддержка большинства политиков ближе к эмоциональным формам отношения к власти и политике, которые связаны с существующей нестабильностью общества и затянувшимся поиском выхода на траекторию устойчивого развития. Моральные нормы и принципы российского социума, лежащие в поле уравнилельных ориентаций и идей создания общества равных возможностей, дают основания для корректировки развития страны и сохранения национальной самобытности.

Стремление россиян к безопасности и равенству всех перед законом, по сути, не противоречит демократии. Поэтому можно двойственно трактовать социологические данные о политических ожиданиях и предпочтениях общества. Выбор между абстрактными идеалами демократии и реальной личной безопасностью коррелируется крайне слабо, но позволяет, создав альтернативу между свободой и безопасностью, делать выводы о потребности в сильном лидере и эффективном государстве. С этической точки зрения граждане, скорее, предпочитают иметь дееспособного и достойного руководителя во главе страны, который будет отстаивать и реализовывать общественные интересы и цели. Можно сказать, что в действительности мы видим вполне определенный запрос на моральность в политике. Этим возможно объяснить заметное укрепление влияния ранее существовавших моральных принципов и нравственных ценностей, известное обновление некоторых элементов нормативно-ценностной системы, что закладывает возможности ценностного согласия между властью и обществом, соответствия политики принципам морали.

Однако российские либералы, проводя масштабные реформы, никогда не ставили в качестве определяющего вопрос о нравственной организации общества и моральности своих политических действий в качестве важного и необходимого фактора. Ведь нарушение равновесия между целями и средствами вследствие того, что человек не достигает законными способами предполагаемого результата, вызывает не только неудовлетворенность и разочарование, но и толерантное отношение к аналогичным действиям в политике. Поэтому следует согласиться с мнением Н.Н. Вотицовой, считающей, что «постмодернистское равенство ценностей формирует у человека специфические душевные состояния. С одной стороны, информация обезличивает человека, с другой, значима только личностная интерпретация. Субъект зависит от своих желаний и норм общества. Он бессилён перед природной стихией и не видит смысла в самоизменении. Обретая свободу в языке, субъект сталкивается со множественностью интерпретаций. Все это обуславливает потерю идентичности» [13, с. 14]. Применительно к политике это можно трактовать как утрату или разложение моральных ориентиров, что неизбежно должно вести к проявлению морального скептицизма и недоверию к демократической системе, хотя россияне в основном положительно воспринимают идею демократии, но преимущественно как нормативную ценность, а не совокупность правил и процедур, которые необходимо выполнять в обязательном порядке.

Многие исследования фиксируют изменения аксиологических ориентаций россиян, связанные с ценностным размежеванием общества, ослаблением советских идеологизированных предпочтений и ориентаций и усилением деполитизированных настроений граждан. Произшедшая в период 1990-х гг. атомизация социальной структуры препятствует солидарности между людьми, развитию гражданского общества, возможности оказывать более существенное влияние на политику. Такая ситуация не может не восприниматься как аномическая, обусловленная усталостью людей от социальных потрясений и бесконечных торгов между обществом и властью по поводу социальных гарантий. Она не может не вызывать к жизни такое конвенциональное поведение, когда моральные принципы редуцируются до обслуживания политической линии власти, закрепляя скептическое отношение социума к политическим деятелям и низкие оценки их намерений и действий. В результате рядовой гражданин не верит в возможность реального влияния на принимаемые политические решения и не знает, какие использовать механизмы для воздействия на них. А это неизбежно превращает общественно-политическую жизнь в симуляцию, что в обстановке нарушения социализации и низкой социально-политической компетентности приводит к тому, что политические субъекты становятся аморальными циниками, явно игнорирующими моральные требования и установки, «играющими» в демократию.

В современном постмодернистском обществе среда превращает индивида в конформиста, делая его зависимым от административного аппарата или работодателя, что неизбежно вызывает дегуманизацию социальных отношений. Однако в российских условиях, в ситуации столкновения либеральной и традиционной систем ценностей, у индивида возникла необходимость усердно осваивать новые правила общения, модели поведения, идеалы. Поэтому А.С. Ахиезер видит основную проблему социально-политического состояния общества в расколе сознания, в социокультурных противоречиях между либерализмом и соборностью, а Н.И. Лапин выводит нигилистическое отношение людей к своему бытию из «кризисности социума» [14, с. 678–684, 727; 15, с. 4]. Нарушается единое поле нравственных ориентиров, общее представление о социальной справедливости, соразмерности распределения социальных благ, уважение к закону. Это растворяет идею солидарной ответственности в нравственном сознании общества и закрепляет раскол между этическими нормами, на которые ориентируются и политики, и основные группы населения, сохраняющие негативное отношение к политическим институтам. В результате становится невозможно преодолеть существующую пропасть недоверия между ними, что может лишь пролонгировать отчуждение большинства россиян от власти.

Можно предположить, что в случае ослабления действенности и роли моральных регуляторов происходит неизбежное усиление политизации сознания и рост ожиданий от политики. А поскольку государство осуществляет консенсусное начало в жизнедеятельности социума, то рост политизации означает неизбежное ослабление моральных норм ради достижения определенных преимуществ в борьбе за власть или привилегии. Поэтому в политической деятельности морально приемлемыми становятся иные средства достижения целей.

Проблемы ориентации амбивалентного морального сознания возникают в переходные периоды, когда оформляется ценностный дисбаланс между существующими социальными установками и картиной окружающего мира. Рассогласование моделей-оценок и моделей-поведения вызывает действия, которые выходят за рамки социально допустимого поведения, порождает негативные реакции и негативное отношение к социально-политическим событиям и поступкам политиков. В результате выработки новых социальных и моральных идеалов и стратегических

целей общество испытывает дополнительные объективные трудности, приводящие к затягиванию и усугублению кризисных явлений в социально-политической сфере. Морально-нравственные принципы и нормы, обеспечивая социальную сплоченность общества, препятствуют отчуждению людей от власти и стимулируют их на участие в социальной жизни. Это важно учитывать в условиях социально-политического реформирования российского общества, испытавшего эрозию социальной солидарности, дистанцирование слоев и групп, падение социального запроса на высокоморальные ориентиры и идеалы. Именно поэтому россияне соотносят любой политический авторитет с «общим делом», то есть определенными моральными ценностями, которым должна отвечать деятельность политика и власти. И отступление политического лидера от этических ориентиров способно лишь вызвать его моральную критику, негативную оценку. Сама же демократия как ценность в результате воспринимается в нравственном сознании россиян как идея, исключающая социальное зло и предлагающая социальную уравнительность граждан, государственный патернализм, призванный упорядочить общественную жизнь (желательно без насилия) и обеспечить стабильность и порядок.

Ссылки:

1. Канарш Г.Ю. Социальная справедливость: философские концепции и российская ситуация. М., 2011. 236 с. ; Мартынов В.С., Фишман Л.Г. Россия в поисках утопий. От морального коллапса к моральной эволюции. М., 2010. 256 с. ; Матвеев П.Е. Моральные ценности. Владимир, 2004. 190 с. ; Сахарова М.В. Свобода и равенство: история неоконченного спора о справедливости // Философские науки. 2010. № 1. С. 77–91 ; Хёффе О. Справедливость: Философское введение. М., 2007. 192 с.
2. Хелд Д. Модели демократии. 3-е изд. М., 2014. 544 с.
3. См.: Согрин В.В. Политическая история современной России. 1985–2001: от Горбачева до Путина. М., 2001. 272 с.
4. Schmitt C. *The Crisis of Parliamentary Democracy*. Cambridge, 2000. 184 p.
5. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2. М., 1992. 525 с.
6. Ильина Н.Б. Идея демократии в восприятии российского общества // Политико-философский ежегодник. Вып. 2. М., 2009. С. 3–22.
7. Fish S.M. *Democracy Derailed in Russia: The Failure of Open Politics*. N. Y., 2005. 313 p.
8. Шевцова Л.Ф. Одинокая держава: Почему Россия не стала Западом и почему России трудно с Западом. М., 2010. С. 272.
9. Руженцев С.Е. Социально-политическая практика и требования моральных идеалов // Право и практика. 2016. № 2. С. 158–167.
10. Клямкин И.М., Тимофеев Л.М. Теневой образ жизни. Социологический автопортрет постсоветского общества // Полис. Политические исследования. 2000. № 5. С. 121–132.
11. Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. М., 2011. 328 с.
12. Там же. С. 235–238.
13. Вотинцева Н.Н. Специфика ценностей и ценностного сознания в трансформирующемся обществе : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Пермь, 2008. 19 с.
14. См.: Ахиезер А.С. Критика исторического опыта. Т. 1. Новосибирск, 1997. 804 с.
15. См.: Лапин Н.И. Кризисный социум в контексте социокультурных трансформаций // Мир России. 2000. № 3. С. 3–47.

References:

- Akhiezer, AS 1997, *Criticism of historical experience*, vol. 1, Novosibirsk, 804 p., (in Russian).
- Fish, SM 2005, *Democracy Derailed in Russia: The Failure of Open Politics*, New York, 313 p.
- Gorshkova, MK, Krumma R & Petukhov, VV 2011, *Twenty years of reforms through the eyes of Russians: the experience of many years of sociological measurements*, Moscow, 328 p., (in Russian).
- Held, D 2014, *Models of democracy*, 3rd ed., Moscow, 544 p., (in Russian).
- Hoffe, O 2007, *Justice: A Philosophical Introduction*, Moscow, 192 p., (in Russian).
- Ilyina, NB 2009, 'The idea of democracy in the perception of the Russian society', *Politiko-filosofskiy yezhegodnik*, no. 2, Moscow, pp. 3-22, (in Russian).
- Kanarsh, GYu 2011, *Social justice: philosophical concepts and situation in Russia*, Moscow, 236 p., (in Russian).
- Klyamkin, IM & Timofeev, LM 2000, 'The shadow life. A sociological self-portrait of post-soviet society', *Polis. Politicheskie issledovaniya*, no. 5, pp. 121-132, (in Russian).
- Lapin, NI 2000, 'Crisis society in the context of social and cultural transformations', *Mir Rossii*, no. 3, pp. 3-47, (in Russian).
- Martyanov, VS & Fishman, LG 2010, *Russia being in search of utopias. From the moral collapse to the moral evolution*, Moscow, 256 p., (in Russian).
- Matveev, PE 2004, *Moral values*, Vladimir, 190 p., (in Russian).
- Popper, K 1992, *The open society and its enemies*, vol. 2, Moscow, 525 p., (in Russian).
- Ruzhentsev, SE 2016, 'Social and political practice and the moral ideals requirements', *Pravo i politika*, no. 2, pp. 158-167, (in Russian).
- Sakharova, MV 2010, 'Liberty and equality: the story of the unfinished dispute about justice', *Filosofskie nauki*, no. 1, pp. 77-91, (in Russian).
- Schmitt, C 2000, *The Crisis of Parliamentary Democracy*, Cambridge, 184 p.
- Shevtsova, LF 2010, *Lonely Power: Why Russia Has Failed to Become the West and the West is Weary of Russia*, Moscow, p. 272, (in Russian).
- Sogrin, VV 2001, *Political history of modern Russia. 1985-2001: from Gorbachev to Putin*, Moscow, 272 p., (in Russian).
- Votintseva, NN 2008, *Specific features of values and value consciousness in metamorphic society*, PhD thesis abstract, Perm, p. 19, (in Russian).